

Война Владимир

**К ТИХОМУ
ОКЕАНУ: Поход
Ивана Москвитина
1639–1641 гг.**

Война Владимир

**К ТИХОМУ ОКЕАНУ: Поход
Ивана Москвитина 1639–1641 гг.**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

К ТИХОМУ ОКЕАНУ: Поход Ивана Москвитина 1639–1641 гг. /
В. В. Владимир — «Автор», 2026

Историко-биографическая книга о первом русском походе к Тихому океану. В 1639 году отряд под началом Ивана Москвитина из Бутальского острожка отправился через каменные хребты, бурные реки и снежные перевалы к Ламскому морю. Автор, опираясь на архивные документы и свидетельства, реконструирует их путь: строительство стругов, переход через Джугджур, зимовку на побережье, морские плавания и возвращение. Книга раскрывает суровые условия жизни и характеры землепроходцев, их вклад в географические открытия и формирование образа России.

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Война Владимир К ТИХОМУ ОКЕАНУ: Поход Ивана Москвитина 1639–1641 гг.

Глава

Введение

Предисловие. Дорога к последнему морю

Карта России XVII века — это не застывший монолит, а живой, дышащий организм. Она росла, пульсировала, вытягивалась на восток с неудержимой силой, словно подчиняясь какому-то древнему зову. Всего за полвека — по историческим меркам мгновение — русские землепроходцы прошли от Уральского хребта до берегов Тихого океана. Это был один из самых стремительных колониционных рывков в мировой истории, сравнимый разве что с движением конкистадоров в Новом Свете, но куда менее шумный и куда более упорный.

Имя Ивана Юрьевича Москвитина в этом великом списке первопроходцев стоит особняком. Дежнёв, Поярков, Хабаров — их имена на слуху, они стали частью учебников. Москвитину же досталась участь более скромная, но оттого не менее значимая. Он не открывал пролив между материками и не подчинял целые народы. Он сделал шаг, который отделял Русь от её океанской судьбы. Он первым из европейцев, двигаясь с запада, вышел к берегам Ламского (Охотского) моря.

Этот поход трудно назвать блестящей военной операцией. Отряд был невелик, припасы скудны, а приказы туманны. Но именно в этой обыденности и кроется величие свершения. Москвитин был не романтиком-одиночкой, а плотью от плоти своей эпохи — служилым человеком, государевым человеком, который шел «проведывать новые земли» не столько ради славы, сколько ради государевой прибыли и собственного выживания.

Чтобы понять, как горстка казаков смогла пересечь дикие хребты и выйти к Тихому океану, нужно отбросить романтический флёр и погрузиться в суровую прозу XVII века. Это история не о географическом открытии в чистом виде, а о выносливости, расчете и удивительной способности русского человека вживаться в самые неприветливые ландшафты планеты. Поход Москвитина изменил карту России, но ещё больше он изменил представление русских людей о самих себе. Оказалось, что за «Камнем» (Уралом) и бескрайней тайгой есть не просто еще одна река, а конец земли, за которым плещется бескрайний океан.

Глава 0. Скрежет эпохи: Русь на пороге Тихого океана

Московское государство XVII века было государством воинов, купцов и землепашцев, стиснутым жесткими рамками сословных обязанностей. Только что отгремело Смутное время, страна зализывала раны, но уже жадно смотрела за Урал. Пушнина — «мягкая рухлядь» — была главным экспортным товаром, валютой, на которую можно было купить всё: от шведского железа до восточных тканей. Сибирская казна кормила державу.

Но Сибирь — это не только соболь. Это великая неизвестность. К востоку от могучего Енисея лежали земли, о которых ходили лишь смутные слухи. Там, где солнце встает из-за гор, течет великая река Лена, а за ней, возможно, есть и теплое море. Эти слухи будоражили умы не меньше, чем рассказы об Эльдorado будоражили испанцев.

Экспедиция Москвитина была не спонтанной авантюрой, а логичным звеном в цепи рас-
тянувшегося на годы «наведения мостов». Томск и Якутск, основанные незадолго до этого,

стали плацдармами. Из этих деревянных крепостей уходили отряды в никуда, в «немирные земли», чтобы привести тамошние народы «под высокую государеву руку».

Биография без начала

О самом Иване Москвитине мы знаем до обидного мало. Как и многие герои того времени, он не оставил мемуаров. Его жизнь восстановлена историками по крупицам из отписок, челобитных и ясачных книг. До 1637 года он теряется в сером мареве служилой массы Томска. Он не был аристократом, не был сыном боярским. Судя по всему, он был рядовым казаком, одним из тех, кто привык спать на снегу, есть кору и неделями грести против течения.

Именно такие люди и делали историю. Когда атаман Дмитрий Копылов получил приказ идти на восток, ему нужны были не герои, а работники. Люди, способные построить судно из сырого леса, найти дорогу по звездам и договориться с местными князьками.

Москвитин идеально подходил на роль руководителя передового отряда. В нем сочетались жесткость, необходимая для сбора ясака, и дипломатическая гибкость, без которой в тайге была верная смерть. Он не был жестоким завоевателем в привычном смысле этого слова. Его трагедия и его сила заключались в том, что он был инструментом системы. Системы, которая требовала одного: идти вперед, пока есть земля под ногами.

Часть I. Снаряжение экспедиции

Глава 1. Томск — Якутск: Путь служилого человека

История редко балует нас точными датами рождения своих скромных героев. Иван Юрьевич Москвитин — из тех, чья жизнь начинается для нас не с крика младенца в избе, а с первой записи в казённой бумаге. Мы не знаем, кем были его родители, где он учился (а скорее всего, нигде, кроме суровой школы выживания), и какие ветры занесли его в Сибирь. Но сама логика эпохи позволяет очертить контур его судьбы.

В первой трети XVII века Томск был бурлящим котлом. Город-крепость, поставленный в 1604 году на реке Томи, стал воротами в «златокипящую» вотчину соболя. Сюда стекались отчаянные головы со всей Руси: беглые крестьяне, бывшие стрельцы, обедневшие дети боярские, вольные казаки. Всех их гнала на восток нужда или жажда наживы. Москвитин, судя по его позднему статусу, не был ни ссыльным, ни гулящим человеком. Он принадлежал к сословию служилых людей «по прибору», то есть был поверстан в казаки за государево жалованье.

Жалованье это было скудным: несколько рублей в год, хлебное довольствие и право на долю в ясаке. Но оно давало главное — статус. Статус человека, у которого есть сабля, пищаль и законное право требовать с инородцев «государев ясак». Служба в Томске означала ежегодные походы на «немирные земли», стычки с киргизами и калмыками, многомесячные караулы в острожках. Это была школа, где умирали быстро, а выживали — самые хладнокровные и выносливые.

К 1630-м годам центр тяжести сибирской экспансии сместился далеко на северо-восток. На реке Лене, открытой казаками, основывались новые остроги. В 1632 году сотник Пётр Бекетов срубил Якутский острог, которому суждено было стать столицей огромного края. Туда, в эту новую Мекку пушного промысла, потянулись служилые и торговые люди.

Москвитин оказался в этом потоке. Его переход из Томска в Якутск не был понижением или бегством. Наоборот, это было движение к центру событий. В Якутске платили больше, пахло большой добычей, а карьерный рост для человека без роду и племени был возможен быстрее. В документах он мелькает как рядовой казак, но, видимо, с опытом хождения за Камень.

Путь в Якутск в те годы занимал не недели, а месяцы. Это был маршрут через притоки Оби, затем через Маковский волок в бассейн Енисея, потом вниз по течению до устья Ангары, вверх по её порогам до Илимского острога, оттуда через Ленский волок на реку Купу и далее по Лене. Сотни вёрст тайгой, под дождём и гнусом, с дощаниками, которые надо было тащить

бечевой против течения. Для такого перехода нужна была недюжинная физическая сила и умение уживаться с людьми в замкнутом пространстве. Москвитин этим обладал.

К 1637 году он — уже человек, знающий цену слову и удару. Ему, судя по всему, около тридцати лет или чуть больше. Он грамотен или, по крайней мере, умеет считать и понимает язык приказных бумаг. Он — типичный «старый служилый», костяк русской армии в Сибири. Именно из таких, как он, атаманы выбирали людей для самых рискованных предприятий. Там, где заканчивались карты и начиналась неизвестность, требовались не знатные имена, а крепкие плечи, зоркий глаз и то особое чутьё на опасность, которое даётся только годами кочевой жизни.

Якутск готовил Москвитину встречу, которая перевернула его судьбу. В этом городе на Лене пересеклись пути многих будущих первопроходцев. Здесь зрели планы грандиозных походов на юг, к Амуру, и на восток, к загадочному тёплому морю. И здесь, в воеводской избе, всё чаще звучало имя, которое станет роковым для Москвитина, — Дмитрий Копылов.

Глава 2. Приказ атамана: Люди Копылова

Весной 1638 года в Якутском остроге было беспокойно. Воевода Пётр Головин, человек крутого нрава, только утверждал свою власть над краем. Город, еще недавно бывший кучкой зимовий, разрастался, обрастая амбарами, таможней и кабаками. Но главное, что бурлило в воздухе, — это жажда «проведывания новых земель». Ясак, привозимый с Лены и Вилюя, поступал исправно, но слухи о том, что где-то на востоке, за каменными хребтами, есть реки, полные соболя, и люди, не знающие русского государя, будоражили и воеводу, и казачью гольтьбу.

Именно в это время в Якутск прибыл с отрядом томских казаков атаман Дмитрий Епифанович Копылов. Это была фигура примечательная. Не из бояр, не из знати, он выслужился из рядовых за годы сибирских походов. Копылов обладал редким для того времени сочетанием качеств: он был храбр, но расчетлив, властен, но умел ладить с людьми. Воевода Головин, нуждаясь в опытных командирах для расширения государевых владений, дал ему наказ — идти на восток, ставить остроги и искать пути к морю.

Почему выбор пал на Москвитина? В документах нет прямого ответа. Но логика сибирской службы подсказывает: Копылов набирал отряд не с улицы. Ему нужны были люди, проверенные в походах, умеющие не только махать саблей, но и строить суда, ладить с инородцами, терпеть голод и холод. Москвитин, уже несколько лет служивший в Якутске, был на виду. Он не лез в ссоры, не был замечен в кабацких драках, но в то же время числился в списках «надежных» приказчиками острожков. Его взяли десятником, доверив командование передовым отрядом.

Отряд Копылова выступил из Якутска в мае 1638 года. Путь лежал на реку Алдан, правый приток Лены. Там, при впадении реки Май, приказано было поставить острожек, собрать ясак с окрестных тунгусских родов и разведать дороги дальше, к хребтам.

Плыли на дощаниках — плоскодонных судах, которые могли идти и под парусом, и на веслах, и бечевой. Груз был тяжел: хлебные запасы, свинец, порох, котлы, топоры, ткани для подарков инородцам. Людей — около полусотни. Среди них — томские, красноярские, якутские служилые. Сборная команда, где каждый знал цену себе и не слишком доверял соседу.

Москвитин в этом походе был правой рукой атамана. Именно ему поручали самые трудные участки: идти впереди, разведывать фарватер, вступать в переговоры с местными князьями. Он уже тогда проявил ту черту, которая позже станет его отличительной чертой: умение слушать. Если тунгусы говорили, что за перевалом живут люди, которые бьют морского зверя, Москвитин не отмахивался от этих рассказов, а запоминал. Он расспрашивал о реках, о расстояниях, о том, где удобнее тащить суда волоком. Это была разведка не саблей, а словом — самая важная разведка в незнакомой земле.

К осени 1638 года Копылов поставил Бутальский острожек на Алдане. Зимовка прошла в сборах ясака и стычках с немирными родами. А весной 1639 года атаман принял решение, которое стало судьбоносным для Москвитина. Из рассказов тунгусов выходило, что за горным хребтом Джугджур есть большое море, а на нём — острова и реки, полные рыбы и пушного зверя. И люди там «сидят на кортах», не платят ясак и не знают русского имени.

Копылов не мог идти сам — держал острог. И тогда он отдал приказ Москвитину: взять двадцать казаков, подняться по Мае, перевалить через хребет и выйти к морю. Цель была проста и грандиозна одновременно: найти морской берег, привести в подданство тамошние народы и разведать, где стоят те «серебряные горы» и богатые реки, о которых толковали слухи.

Двадцать человек против неизвестной земли. Весной 1639 года этот отряд вышел из Бутальского острожка. Впереди была одна из самых трудных дорог в истории русского землепроходчества.

Глава 3. Стратегическая цель: Тёплое море и река Мамур

Зимой 1638/1639 года в Бутальском острожке по вечерам долго не гасили лучину. Атаман Дмитрий Копылов собирал в своей избе доверенных людей — десятников, толмачей, старых казаков, ходивших с ясаком по дальним стойбищам. Разговоры велись тихие, но смысл их был громким: за хребтом, который тунгусы называли Джугджур, лежит море. Не просто река, не просто озеро — а большое море, солёное, как говорят, «без края», и по нему плавают люди на больших лодках.

Эти сведения были смутны, как всякая молва, передаваемая через три языка. Но для людей XVII века, живших в мире, где карта была скорее догадкой, чем чертежом, такие слухи были не пустым звоном, а оперативными данными. Копылов понимал: если удастся выйти к морю, это будет открытие, равного которому ещё не было в сибирской истории. Воевода Головин в Якутске, а за ним и сам государь в Москве, умели ценить такие вести. За морской берег можно было получить не только денежное жалованье, но и чин, и право на воеводскую милость.

Но был и другой мотив. На востоке, по слухам, текла великая река Мамур, которую позже назовут Амуром. Рассказывали, что берега её полны соболя и чернобурой лисицы, а в горах там плавают серебро. Это были мечты о «золотом дне», которые гнали русских людей через всю Сибирь. Москвитин, слушая эти речи, должен был понимать: ему выпадает шанс, какой выпадает раз в жизни. Идти первым туда, где ещё не ступала нога русского человека.

Подготовка к походу началась сразу после ледохода. Копылов выделил Москвитину двадцать человек — самых надёжных и выносливых. Состав отряда был пёстрым: томские казаки, бывшие краснорцы, пара промышленных людей, умевших бить зверя и солить мясо. Из вооружения — пищали, сабли, несколько пик. Из припасов — сухари, соль, толокно, свинец, порох. Всё это надо было везти на себе или тащить волоком.

Суда для похода строили тут же, на Алдане. Основным типом речного судна был дощаник — лёгкое, но прочное плоскодонное судно, сбитое из досок, с нашивными бортами. Оно могло поднять до тридцати человек с грузом и при этом имело малую осадку, что позволяло идти по мелководным горным рекам. Для волока через хребет такие суда можно было частично разобрать и перенести по частям. Плотники из отряда рубили их из лиственницы, конопатили мхом и заливали смолой. Работали быстро — сибирский служилый человек умел строить судно за неделю, если подгоняла служба.

Перед выходом Копылов дал Москвитину наказ — устный, как это часто делалось, чтобы не плодить лишних бумаг. Суть его сводилась к нескольким пунктам. Первое: идти вверх по Мае, затем по её притоку Юдоме до самых верховьев. Второе: перевалить хребет и найти реку, текущую к морю. Третье: выйти к морю, поставить зимовье, разведать окрестности, собрать ясак. Четвёртое: вернуться с вестями и не терять людей понапрасну.

Последний пункт был особенно важен. Москвитин не имел права потерять отряд. Двадцать человек — это не просто казаки, это живая сила, которую нельзя было восполнить в

глубине незнакомой земли. Смерть каждого — это не только беда для семьи, но и минус к отчёту перед воеводой. Поэтому Москвитину предписывалось не лезть в открытую войну, а действовать миром и лаской, насколько это возможно.

В конце мая 1639 года отряд вышел из Бутальского острожка. Погода стояла тёплая, вода в Алдане поднялась, и дощаники пошли вверх легко. Впереди лежала река Мая — извилистая, быстрая, с бесчисленными перекатами. За ней — Юдома, узкая и порожистая. А дальше — хребет, о котором никто из отряда не знал ничего, кроме названия.

Так начинался великий волок.

Часть II. Великий волок (Лето-осень 1639 года)

Глава 4. Вниз по Алдану: Дорога, данная рекой

В конце мая 1639 года, когда Алдан освободился ото льда и вода пошла на убыль, отряд Ивана Москвитина оттолкнулся от причала Бутальского острожка. Двадцать человек, два дощаника, грузённых до осадки, — так выглядела эта экспедиция со стороны. Никакого торжественного напутствия, никакого колокольного звона. Только атаман Копылов, стоявший на берегу, перекрестил уходящих и крикнул вслед что-то о государственной службе и о том, чтобы берегли головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.